

Содержание

Введение	
Все рождается, чтобы расцвести	7
Пролог	9
1. Прилипни язык мой к гортани... ..	15
2. Долго жила душа моя с ненавидящими мир	24
3. Дар здорового беспокойства	44
4. Почти на краю света.....	57
5. Чем нас больше, тем лучше.....	69
6. Как натянутая струна.....	87
7. Веселясь на земном кругу Его.....	98
8. Жизнь — это искусство встречи.....	108
9. Дни летели стрелой	117
10. Их видно издалека.....	127
11. Как ветвь миндаля	135
12. Съедающие народ мой, как едят хлеб	144
13. Никто не спасается в одиночку	162

14.	Резонируя с глубинными вибрациями.....	175
15.	Единственный способ стать настоящим человеком.....	188
16.	Как младенец, прильнувший к матери.....	200
17.	Чтобы помнил и стыдился.....	222
18.	Все вон и все внутрь.....	239
19.	Долиной смертной тени.....	254
20.	Его жезл и Его посох успокаивают меня.....	269
21.	Нарушение мира.....	285
22.	За руку с несгибаемой девочкой.....	301
23.	По образу улыбающегося Бога.....	314
24.	Почему лучшие дни еще впереди.....	326
25.	Я — всего лишь шаг.....	346
	Послесловие Карло Муссо.....	355

Введение

Все рождается, чтобы расцвести

Книга моей жизни — это рассказ о пути надежды, который неотделим от истории моей семьи, моего народа и всех детей Божьих. На каждой странице, в каждом шаге это также книга тех, кто шел вместе со мной, кто был до нас и придет после.

Автобиография — это не частная история, а багаж. Память не только то, что мы помним, но и то, что нас окружает. Она говорит не только о прошлом, но и о будущем. Память — это настоящее, которое никогда не уходит окончательно, как сказал один мексиканский поэт. Кажется — вчера, а на самом деле — завтра.

Люди говорят «жди и надейся», и недаром в испанском языке слово *esperar* означает одновременно «надеяться» и «ждать». Но надежда — это прежде всего добродетель, подталкивающая вперед, и двигатель перемен; напряжение, которое объединяет память и утопию, чтобы в будущем воплотить мечты в реальность. И если мечта начинает меркнуть, нужно вернуться назад и оживить ее в новых образах, черпая надежду из тлеющих углей памяти.

Мы, христиане, должны знать: надежда никогда не обманывает и не предает — все рождается, чтобы расцвести вечной весной.

И в конце мы скажем лишь одно: я не помню ничего, где не было Тебя.

Пролог

Очевидцы рассказывали, что почувствовали мощный толчок, как при землетрясении. Все плавание сопровождалось сильной зловещей тряской: «Крен был такой, что нельзя было поставить на стол чашку с кофе — опрокинется». Но этот толчок напоминал взрыв бомбы. Пассажиры повysкакивали из салонов и кают, высыпали на палубы, не понимая, что происходит. День клонился к вечеру, лайнер держал курс к берегам Бразилии, к Порту-Сегуру. Это была не бомба, скорее глухой раскат грома. Судно продолжало движение, но его ход стал безумным, как у взбесившегося коня: оно кренилось все сильнее и теряло скорость. Один человек, несколько часов продержавшийся в океане на обломке дерева, потом вспоминал, что ясно видел, как отвалились гребной винт и вал. Винт, по рассказам выживших, пропорол корпус, оставив зияющую рану; вода хлынула внутрь потоком, затопила машинное отделение и вот-вот должна была залить трюм — видимо, водонепроницаемые переборки не сработали как следует.

Говорили, кто-то пытался заделать пробину металлическими листами. Тщетно.

Говорили, оркестранты получили приказ играть дальше. Без остановки.

Судно кренилось все сильнее, сгущалась тьма, море бушевало. Когда стало ясно, что никакие заверения и угрозы на пассажиров больше не действуют, капитан приказал заглушить двигатели, включил сирену и радисты передали первый сигнал SOS.

Сигнал бедствия приняли несколько судов: два парохода и даже трансатлантические лайнеры, оказавшиеся неподалеку. Они тут же поспешили на помощь, но не могли подойти близко, так как высокий столб белого дыма грозил взрывом котлов.

Капитан через мегафон все отчаяннее пытался призвать людей к спокойствию и руководил спасательной операцией, отдавая приоритет женщинам и детям. Но когда опустилась ночь — непроглядная ночь новолуния — и электричество на борту отключилось, положение стало катастрофическим.

Спустили спасательные шлюпки, но крен судна стал критическим. Многие лодки тут же пошли ко дну, ударившись о борт, другие оказались ветхими и непригодными: они набирали воду, которую пассажиры вычерпывали собственными шляпами. Третьи, взятые с боем, отрокидывались или тонули от перегруза. На судне было много ремесленников и крестьян из долин и с равнин, которые впервые в жизни видели море и не умели плавать. Молитвы смешивались с криками.

Началась паника. Пассажиры падали за борт или бросались в море и тонули.

Некоторых охватило отчаяние. Кого-то, как писали местные газеты, заживо сожрали акулы.

В этом хаосе то и дело вспыхивали ссоры и драки, но и проявлений мужества и самопожертвования хватало. Один молодой человек помог десяткам людей и ждал своей очереди прыгнуть за борт в спасательном жилете, когда увидел старика, который молил о помощи, так как не умел плавать и не нашел места в шлюпке. Юноша отдал свой жилет старику, прыгнул вместе с ним в воду и попытался доплыть до ближайшей лодки. Он отчаянно греб, когда из волн раздались тревожные крики: «Акулы! Акулы!» Кровожадные хищники напали на парня. Мужчине с одной из шлюпок удалось втащить его на борт, но раны оказались смертельными. Вскоре он скончался.

Когда выжившие рассказали его историю, вся Аргентина была потрясена. На родине героя, в провинции Энтре-Риос, в честь него называли школу. Он был сыном пьемонтского эмигранта и аргентинки, ему только что исполнился 21 год. Его звали Анаклето Бернарди.

Задолго до полуночи корабль уже полностью наполнила вода. Он встал вертикально носом вниз и с последним оглушительным, почти звериным стоном затонул на глубине более 1400 м. Многие свидетели подтвердили, что капитан оставался на борту до конца, приказав уцелевшим музыкантам играть Marcia Reale («Королевский марш»). Его тело так и не нашли. Не подлежит сомнению, что перед самым погружением корабля раздались выстрелы, как говорят, произведенные офицерами. Сделав все возможное для спасения пассажиров, они решили избежать мучительной смерти в воде.*

* Государственный гимн Италии в период с 1861 по 1946 г. — Прим. ред.

Некоторые шлюпки добрались до ближайших судов и вместе с лодками, спущенными с других кораблей, спасли несколько сотен человек.

Поиски тех немногих, кто еще держался на воде, продолжались до глубокой ночи. Когда перед рассветом к месту трагедии подошли бразильские пароходы, в живых уже никого не осталось.

Корабль длиной более 140 м в начале века был гордостью итальянского флота. На этом престижном трансатлантическом лайнере путешествовали маэстро Артуро Тосканини, писатель Луиджи Пиранделло, Карлос Гардель — легенда аргентинского танго. Но те времена давно миновали. Война, износ, небрежность и скверное обслуживание сделали свое дело. Теперь судно называли «плясунья» из-за его плачевного состояния. Когда, к недоумению капитана, корабль отправился в свой последний рейс, на борту находилось более 1200 пассажиров, в основном эмигранты из Пьемонта, Лигурии и Венеции, а также из Марке, Базиликаты, Калабрии.

По официальным данным итальянских властей, в катастрофе погибло чуть больше 300 человек — как утверждалось, преимущественно члены экипажа. Но южноамериканские газеты приводили цифру почти вдвое большие, включая нелегальных пассажиров, несколько десятков сирийских эмигрантов и работяг из итальянской глубинки, которые отправились в Южную Америку на зимний сезон.

Власти всячески скрывали и преуменьшали масштабы крушения лайнера, который вошел в историю как итальянский «Титаник».

Не могу сказать, сколько раз я слышал историю об этом корабле, носившем имя дочери короля Виктора Эммануила III, которой также была уготована трагическая гибель в концлагере Бухенвальд много лет спустя, незадолго до окончания другой страшной войны.

«Принцесса Мафальда»... Историю о ней рассказывали в нашей семье. Передавали из уст в уста в квартале. Эмигранты по обе стороны океана слагали о ней песни: «Из Италии на “Мафальде” уплывали больше тысячи пассажиров... Отцы и матери тянули руки к детям, исчезавшим в волнах...»

Мои дедушка с бабушкой и их единственный сын Марио — мой будущий отец — купили билеты на тот корабль, который вышел из Генуэзского порта 11 октября 1927 г. и взял курс на Буэнос-Айрес. Но не сели на него. Как ни старались, они не успели распродать свое имущество. В итоге семье Бергольо* пришлось скрепя сердце обменять билеты и отложить отъезд в Аргентину.

Вот почему я сейчас здесь.

Вы не представляете, сколько раз я благодарил Божественное провидение.

* Фамилия папы в миру. — *Прим. ред.*

Прилипни язык мой к гортани...

Наконец они отправились в путь.

Дедушке с бабушкой удалось продать свое скромное имущество в пьемонтской деревне, и они поехали в Генуэзский порт, чтобы сесть на корабль «Юлий Цезарь». У них были билеты третьего класса в одну сторону. Они долго ждали, пока закончится посадка пассажиров первого класса и очередь дойдет до третьего. Корабль вышел в открытое море, последние огни маяка — старой Лантерны — растворились за горизонтом, и они поняли, что больше никогда не увидят Италию. Придется начинать все заново на другом конце света.

Было 1 февраля 1929 г. Та зима выдалась одной из самых суровых в столетии: в Турине столбики термометров опускались до 15 градусов ниже нуля, в других регионах — до 25. Федерико Феллини в одном из своих фильмов назвал 1929-й годом великого снегопада*. Всю Европу, от Уральских гор до Средиземноморья, покрыл толстый слой снега, щедро запорошило даже купол собора Святого Петра.

* «Амаркорд», 1973 г. — *Прим. ред.*

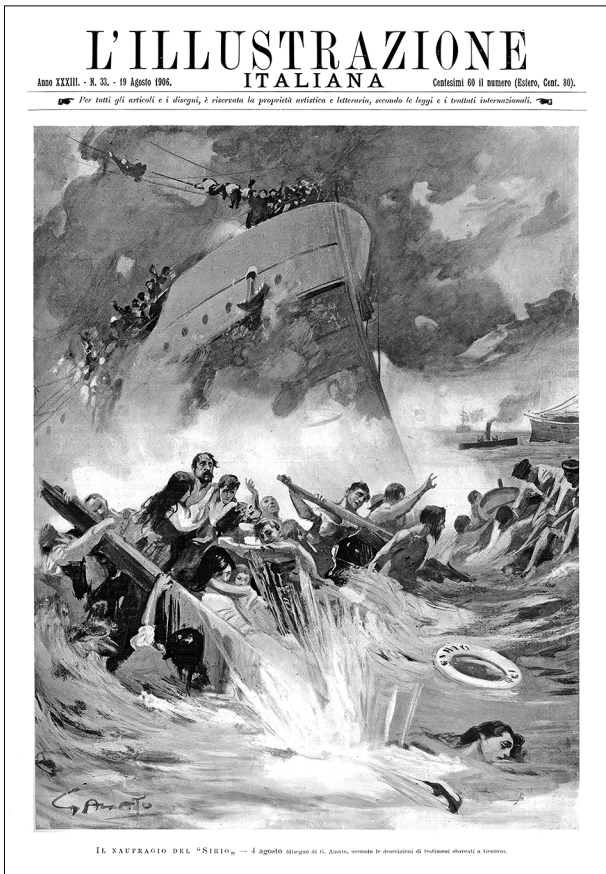
После двух недель плавания с остановками в Вильфранш-сюр-Мер, Барселоне, Рио-де-Жанейро, Сантусе и Монтевидео лайнер наконец причалил в порту Буэнос-Айреса. Моя бабушка Роза, несмотря на 30-градусную жару и высокую влажность, по-прежнему не снимала красивое пальто, в котором уехала из дома. По тогдашней моде она украсила его воротником из лисьего меха, а за подкладкой зашила все деньги, что у них были. Бабушка продолжала носить пальто, словно униформу, даже когда они сошли на берег и, задыхаясь, продвигались вглубь страны вверх по реке Парана до конечной цели — еще 500 км. Только тогда Несгибаемая, как прозвали бабушку, решила, что можно ослабить бдительность.

В порту прибытия всех троих зарегистрировали как «заморских переселенцев». Дедушка Джованни, бывший крестьянин, которому удалось открыть кафе-кондитерскую, числился торговцем, его жена Роза — домохозяйкой, а сын Марио, мой отец, к великой гордости родителей окончивший курсы бухгалтерии, — счетоводом.

Многие соотечественники разделили с ними это долгое путешествие надежды. Миллионы людей на протяжении целого столетия уезжали из Италии в Америку — в Соединенные Штаты, Бразилию, но особенно много в Аргентину. Только в Буэнос-Айрес за четыре года до того памятного 1929-го отправилось более 200 000 человек.

Память о страшном крушении «Мафальды» еще жила, и это не единственная рана с конца прошлого века. В те годы была очень популярна песенка «Мамочка, дай мне сто лир, я хочу уехать в Америку» — гимн поколений переселенцев, который, что характерно, заканчивался описанием морской катастрофы. Особенно интенсивной была сезонная миграция. Осенью, когда в Италии сбор урожая заканчивался, люди отплывали из Генуи, чтобы успеть собрать второй в Южном

полушарии, где как раз начиналось лето. Весной многие возвращались домой с несколькими сотнями лир, большая часть которых оседала в карманах организаторов и посредников. Расплатившись с ними и купив обратный билет, мигранты нередко оставались с несколькими десятками лир в кармане в качестве вознаграждения за четыре-пять месяцев каторжного труда.

«Сириус», «Фриска», «Мафальда»:
истории этих трагедий сливались и переплетались

Смерть во время путешествия была частой спутницей мигрантов: 50 человек погибли от голода и лишений на кораблях «Маттео Бруццо» и «Карло Раджо», отплывших в 1888 г. из Генуи в Бразилию; 20 задохнулись на «Фриске». В 1893 г., поднявшись на борт «Ремо», мигранты поняли, что билетов продано вдвое больше, чем мест, и на корабле вспыхнула холера. Мертвых сбрасывали за борт. Число пассажиров ежедневно уменьшалось на несколько человек. В итоге корабль даже не приняли в порту. А потом случилось крушение «Сириуса», в котором погибли 500 итальянских мигрантов, направлявшихся в Буэнос-Айрес. В народных песнях, которые пели под аккордеон на пьемонтских холмах и на новой родине, истории тех трагедий сливались и перемешивались: «Сириус» становился «Мафальдой» и наоборот — новые слова ложились на ту же печальную мелодию.

Но люди все равно уезжали. Прежде всего от бедности, но иногда и от гнева: чтобы изменить судьбу, спастись от ужасов Первой мировой войны и надвигавшейся Второй, избежать участия в боевых действиях, ведь все уже насмотрелись смерти в лицо. Люди стремились воссоединить семьи, искали лучшие условия для жизни, чтобы больше не терпеть нужды. Эта история не нова: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было...»* «Хуже, чем было, уже не будет. В крайнем случае буду голодать там, как голодал дома. Разве не так?» — рассуждает один переселенец в книге очерков «На океане» (Sull'Oceano)** Эдмондо Де Амичиса, тоже пьемонтца и автора знаменитого «Сердца» (Cuore)***.

* Еккл. 3:15.

** Де Амичис Э. На океане. Итальянские сборники. — СПб.: Primavera, 1909.

*** Де Амичис Э. Сердце. Записки школьника. — М.: Камея, 1993.

Мигранты часто шли на огромные жертвы и преодолевали много трудностей, лишь бы попасть на корабль, — чаще всего поддавшись уговорам миграционных агентов, которые приходили в деревни во время ярмарок и расписывали Америку как край чудес, землю обетованную. Они получали от миграционных компаний плату за каждую семью, которую удавалось убедить покинуть родные места, и в прессе их порой сравнивали с работорговцами. Миграционные агенты распространяли в деревнях и селах брошюры и поддельные письма от тех, кто уже перебрался на другую сторону мира. Некоторые даже уверяли, будто крестьянин, потерявший в Америке трудоспособность, может рассчитывать на щедрую пенсию; другие гарантировали предоставление права собственности на землю.

Первым испытанием для мигрантов была дорога до порта. Они продавали скудное имущество, чтобы заплатить вербовщикам, зачастую алчным и бессовестным, которые не раз, пока новый закон не попытался навести в этом деле хоть какой-то порядок, попросту скрывались с деньгами.

Путь к порту напоминал паломничество, иногда индивидуальное, иногда семейное, а порой и коллективное: люди шли целыми общинами, словно в крестном ходе, под звон колоколов, которые потом нередко увозили с собой на кораблях. Многие приходили за несколько дней до отплытия и разбивали лагерь прямо на пристани.

Некоторым так и не суждено было ступить на желанную землю — океан отверг или поглотил их навсегда. А те, кому это все-таки удалось, высадившись в Буэнос-Айресе, сталкивались с грубой, жестокой реальностью. Мигрантов размещали в так называемом Отеле для иммигрантов, который представлял собой огромный барак, где после медосмотра, регистрации и дезинфекции можно было оставаться максимум пять дней — за это время нужно было найти работу в городе или в сельской

местности. Вот как это описывал в начале XX в. корреспондент *Corriere della Sera*: «За последние три дня прибыло 3800 переселенцев, большей частью наши соотечественники. Отель для иммигрантов забит до отказа. <...> Он (и это называют отелем!) стоит на бесформенной, неровной, грязной пустоши между мутной, беспокойной Рио-де-ла-Плата и городом. <...> Едкий запах карболки не может перебить тошнотворную вонь, которая исходит от скользкого грязного пола, старых деревянных стен и сочится из открытых дверей, — запах скученности, нищеты, человеческого горя. <...> Выше, на досках, остаются более явственные следы этого горестного пути — я назвал бы их отпечатками душ. Имена, даты, любовные признания, проклятия, воспоминания, непристойности, нацарапанные на краске, написанные карандашом, вырезанные на дереве. Чаще всего рисовали корабль».

Конечно, этот этюд, обращенный в прошлое, не случаен — он отражает ностальгию, тоску по родине. «Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя...» (Пс. 136:6) — говорят изгнанники, вспоминая Иерусалим. И волхвы, в сущности, выражают то же чувство: они тоскуют о Боге. Эта тоска разрушает конформизм и заставляет стремиться к желанным переменам, в которых мы нуждаемся. Тоска по корням — здоровое чувство, ведь народ без корней обречен, а человек — болен. Именно из корней мы черпаем силу, чтобы двигаться вперед, приносить плоды, расцветать. Как говорит аргентинский поэт Франсиско Бернардес, «все расцветающее на дереве питается тем, что скрыто под землей».

События прошлого, его знаки и царапины перекликаются с настоящим, с другими портами и морями.

Моим родным повезло больше. Они приехали в Буэнос-Айрес по приглашению братьев деда, которые перебрались в Аргентину

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru